

В.О. Бобровников

Мусульманская школа в раннем Советском Дагестане (1918–1927)*

Советская эпоха, часто представляемая как время бесконечных анти-мусульманских гонений [Bennigsen, Wimbush, 1985], в действительности не являла собой такую однозначную и безрадостную картину. При внимательном изучении первоисточников можно выделить несколько периодов трансформации исламского образования в Дагестане в XX в. Это Гражданская война и борьба за установление советской власти на Северном Кавказе (1918–1921), раннее советское культурное и административное строительство (1920-е гг.), массовые политические репрессии в ходе социалистических реформ (конец 1920-х — середина 1940-х гг.), легализация мусульманских институтов после создания Духовного управления мусульман Северного Кавказа (1944 — начало 1950-х гг.), наступление государства на ислам (середина 1950-х — начало 1960-х гг.), стабилизация отношений советской власти и мусульманских общин в период «застоя» (1960-е — 1980-е гг.), «перестройка» (1985–1991), исламский подъем в постсоветский период (с начала 1990-х по настоящее время). В целом (с некоторым разнобоем в датах) эта периодизация, на наш взгляд, применима к истории мусульманской школы во всех мусульманских республиках СССР.

Определяющим критерием такой периодизации является смена политических режимов в стране, связанные с ней изменения в конфессиональной политике государства, а также условиях существования мусульманских общин. При переходе от периода к периоду формы институтов исламского образования, их содержание, функции и источники существования существенно менялись. Но в основе исламского образования оставалась сложившаяся в дореволюционном Дагестане автономная сеть негосударственных мусульманских школ, прежде су-

---

* | В основу статьи положены архивные и полевые материалы, собранные по проекту «Islamic Education in the Soviet Union and the Commonwealth of Independent States» под руководством проф. Рауля Мотики, финансировавшемуся Фондом Фольксвагена в 2002–2005 гг.

ществовавших за счет *вакфов* и частных пожертвований. Дореволюционные *мактабы* и *мадраса* остаются образцом для подражания (порой недостижимо высоким) для большинства дагестанских и прочих северокавказских учителей-*мударрисов* и их студентов-*мута‘аллимов*. Дагестанские *мударрисы* советского и постсоветского времени в целом следуют дореволюционному «канону» образования, основанному на сочинениях шафиитской религиозно-правовой школы.

С эпохи Средневековья до 20-х годов XX в. *‘улама’ (алимы)* из Дагестана поддерживали связи с мусульманскими учеными и преподавателями из зарубежных шафиитских центров исламского образования в Сирии, Египте, Йемене, Неджде. Многие дагестанские *мута‘аллимы* продолжали обучение в арабских странах. В целом же регулярные контакты Дагестана с культурными центрами Ближнего Востока были нарушены еще в период российского завоевания Северного Кавказа и строительства здесь укрепленной границы (Кавказской линии) в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. После окончания в 1864 г. затяжной Кавказской войны связи между мусульманами российского и зарубежного Востока ненадолго восстановились (до закрытия русско-османской границы с началом в 1914 г. Первой мировой войны), однако уже не в том масштабе. Дагестанские *‘улама’* и *мударрисы* вынуждены были переориентироваться на внутренние мусульманские регионы России, в первую очередь Поволжье [подробнее см.: Kemper, 1998]. В настоящей работе мы рассмотрим этот процесс на протяжении двух первых выделенных выше периодов.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Советская власть в Дагестане победила в долгой и кровопролитной борьбе с целым рядом политических противников местного и международного значения. Из них серьезным соперником, а по временам и союзником, была республиканская Турция. Первые советские институты — Военно-Революционные комитеты (*ревкомы*) и Советы возникли в городах Петровск (современная Махачкала) и Темир-Хан-Шура (современный Буйнакс) весной — летом 1918 г., но к 1919 г. советская власть на Северном Кавказе пала. Большевикам приходилось много и часто лавировать, заигрывая с турками и мусульманскими лидерами Дагестана. В 1918 г. заведующим Отделом духовно-шариатских дел Дагестанского областного ревкома стал популярный в Дагестане суфийский шейх Сайфуллах-кади ан-Ницубкри ал-Гази-Гумуки (Сайпула-кади Башларов, 1853–1919). В бюро по печати ревкома сотрудничал известный дореволюционный *мударрис* Абу Суфйан Акаев (1872–1931) из Нижнего Казанище. Советская власть была установлена в 1920–1921 гг. благодаря военной поддержке Красной армии партизанскими отрядами шейха ‘Али-Хаджжи ал-‘Акуши (Акушинского) (ум. в 1930).

Политика советской власти в отношении исламского образования в первые годы ее существования была двойственной. С одной стороны, в советской риторике мусульманская школа приравнивалась к «темноте и невежеству», считалась орудием угнетения трудящихся мусульман при царском режиме. Главной задачей в области народного образования большевики всегда считали искоренение старой религиозной, в том числе примечетной, школы и замену ее светскими государственными учреждениями. 23 января 1918 г. в Москве был принят знаменитый декрет Совнаркома РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Было решено, что «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается» (ст. 9) [см.: *Законодательство о религиозных культах...*, 1969, с. 52]. С другой стороны, по крайней мере формально, провозглашалась веротерпимость. Ислам был уравнен в правах с православием. Большевики не раз подчеркивали, что никак не собираются ущемлять исламские традиции народов Северного Кавказа, лишать их мечетей и *мадраса*.

Первые послереволюционные годы отмечены обилием проектов в области образования на Северном Кавказе. Еще в мае 1917 г. на I-м съезде горских народов Кавказа, проходившем во Владикавказе, левый эсер Саид Габиев (1882–1963, с 1918 член РКП(б), а с марта 1920 г. — Северо-Кавказского ревкома) предложил создать национальную светскую школу. Съезд постановил ввести для кавказских горцев всеобщее, обязательное и бесплатное образование. На всех уровнях обучение велось на родном языке. С первого года обучения обязательно изучался Коран и основы веры (*усул ад-дин*, «закон Божий»), с третьего класса — арабский и русский, а с четвертого — тюркский языки. «Для всех горцев Кавказа за основной должен быть принят арабский алфавит с прибавлением лишь тех букв для звуков, которых нет в арабском алфавите» (т. е. *аджам*. — В.Б.). Съезду *‘улама’* и *мударрисов* поручалось выработать единую систему кавказского *‘аджама* [РФ ИИАЭ, *Махачкала*, ф. 2, оп. 1, д. 57, л. 38–39].

Духовная секция съезда выработала проект реорганизации управления мусульманскими институтами всей страны: «в столице Российского государства должна быть учреждена должность *шейх-ул-ислама*, избираемого мусульманами России на точном основании шариата. *Шейх-ал-ислам* пользуется правами министра по мусульманским религиозным и политическим делам. При *шейх-ул-исламе* должен быть совет из шести представителей, избранных по правилам шариата: по два от *шафи’итов*, *ханафитов* и *джа’фаритов*. Для мусульман Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Черноморской губернии, *ногайцев*, *караногайцев* и *туркмен* Ставропольской губернии учреждается должность Кавказского *муфтия* с резиденцией в г. Владикавказе. При

муфтии должен быть совет из четырех кади, по два от *шафи'итов* и *ханафитов*». Он является председателем Кавказского горского духовного правления из 9 кади (3 — из Дагестана), которых должны выбирать из своей среды знатоки шариата. 5 мая 1917 г. муфтием был избран близкий к суфизму известный политический деятель и ученый ('алим) Наджм ад-дин ал-Хуци (Нажмуддин Гоцинский, 1859–1925) [*РФ ИИАЭ, Махачкала*, ф. 2, оп. 1, д. 57, л. 20, 40–41]. Проект был записан товарищем председателя секции съезда Мухаммедом Абдулкадыровым по-арабски и по-русски [*Союз объединенных горцев...*, 1994, с. 37–41].

В основу этого постановления, похоже, были положены проекты отдельного муфтията для российских мусульман Северного Кавказа, обсуждавшиеся на мусульманских съездах и собраниях времен первой русской революции (1905–1907), а также законопроект, рассматривавшийся IV Государственной думой в 1913 г. [*Законодательное предположение...*, с. 915–919; см. о нем: Усманова, 1999, с. 87, 110–116]. Разные планы создания северокавказского муфтията обсуждались в дореволюционной русской администрации на Кавказе начиная с 1889 г. [*Ислам в Российской империи...*, 2001, с. 283–287, 297–299, 312]. После 1917 г. осуществить их помешала начавшаяся разруха и Гражданская война. Не был реализован и проект светской национальной школы С. Габиева. В нем было немало абсолютно неосуществимых предложений, например создание единого кавказского 'аджама. При всем том необходимо отметить, что некоторые идеи послереволюционных проектов были учтены при подготовке в 1920–1940-х гг. советских реформ мусульманской школы, в чем нетрудно убедиться из дальнейшей истории исламского образования в Советском Дагестане.

Созданное в мае 1917 г. Духовное правление (*ал-идара аш-шар'иййа*) не смогло контролировать не только всего Северного Кавказа, но даже Дагестана. Не помогло избрание Гоцинского муфтием Дагестана и Чечни на съезде 'улама' в с. Анди в августе 1917 г. [*Мусават*, 31.08.1917, № 21; см. также: Дибиров, 1997, с. 29]. Эта должность оказалась чисто номинальной, как и власть созданной в 1918 г. Горской республики, в правительстве которой Гоцинский стал главным управляющим шариатскими делами. В Дагестане возникло многовластие. В противовес Гоцинскому в январе 1918 г. на III Съезде горских народов *шайх ал-исламом* Дагестана был избран 'Али-Хаджжи Акушинский. Он также входил в Горское правительство. Белая Добровольческая армия, занявшая Дагестан весной 1919 г., в свою очередь, попыталась низложить Акушинского, поддержавшего большевиков. Генерал М. Халилов назначил шейх ал-исламом его заместителя 'Абд ал-Басира-хаджжи Мустафаева [*Союз объединенных горцев...*, 1994, с. 289–290, 305, 308–309, 406–407]. Духовное управление (*ал-идара аш-шар'иййа*) Горской республики успело подготовить ряд проектов реорганизации мусульманской школы в регионе.

Из его постановлений, сохранившихся в арабских рукописных копиях, наибольший интерес представляет обращение А. Мустафаева ко всем мусульманам Дагестана, составленное, вероятно, между 1918 и маем 1919 г. в бытность его заместителем 'Али-Хаджжи. В нем содержится наиболее подробное описание проекта организации, учебных программ и финансирования четырехстепенного исламского образования от начальной школы до дагестанского университета, задуманного по образцу знаменитого египетского ал-Азхара: «учредить мадраса в каждом селении Дагестана соответственно его возможностям и изучать в них религиозные науки на арабском языке (*ал-'улум ал-'арабиййа ад-диниййа*) после чтения слова Божия (т. е. окончания коранических классов. — В.Б.) в [начальных школах] *мактабах*; учредить в каждом округе (*нахиййа*) Дагестана высшие школы (*ал-мадарис ал-'алиййа*), в которых наиболее способные из [выпускников] сельских *мадраса* будут изучать шариатские науки (*ал-'улум аш-шар'иййа*). Также учредить высшую школу Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре под названием Блестящая (*ал-издихариййа*) дагестанская мухаммеданская мадраса, а во главе школ-мадраса будет стоять *шайх ал-азхар*. Туда (в высшую дагестанскую *мадраса*. — В.Б.) поступают из окружных *мадраса* наиболее способные, желающие изучать высшие науки, такие как *тафсир*, основы [веры] (*усул [ад-дин]*), *хадисы* и их основы, мусульманское право (*ал-фикх*). Здесь будут завершать свое образование и получать общее свидетельство (*иджаза 'амма*), дающее право занимать духовные посты *мударриса*, *кади* и прочие пользующиеся уважением у населения должности. Жалованье преподавателям в селениях и в округах пойдет за счет селений, пока не будет создано общественное казначейство (*байт ал-мал*), а вскоре пойдет из него. Содержание студентов в селениях брать из селений из части *заката*, предназначенной согласно шариату для бедняков. Затем я, ал-хаджжи 'Абд ал-Басир-афанди, смиренный слуга мусульманской нации (*ал-милла ал-исламиййа*), приказываю вам, в особенности окружным властям и *кади*, сельским властям, старшинам и *кади*, в скором времени исполнить по велению благородного шариата это шариатское распоряжение (*хукм*) шариатского отдела. Тех, кто будет небрежно исполнять его, шариатский отдел будет снимать с занимаемых ими должностей и предавать их суду...» [Хазихи куфийа ва нусхат...].

Осуществить этот обширный проект помешал захват Дагестана отрядами Добровольческой армии. После этого началась Гражданская война, от которой пострадали главным образом города. К 1921 г. Хасавюрт фактически прекратил существовать. На три четверти был разрушен Дербент, более чем на половину — Темир-Хан-Шура, на 30–40 % — Петровск и Кизляр. В 1919 г. прекратили свое существование исламская типография М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре и издававшаяся при ней газета «Дагестан» (до 1918 г. называлась *Джаридат Дагистан*). Сельской

местности разрушения коснулись в меньшей степени. Несмотря на отсутствие статистических данных, есть косвенные свидетельства того, что большинство сельских *мактабов* и *мадрас* продолжали свою деятельность. В них по-прежнему стекались *мута'аллимы*. Продолжалось переписывание учебных рукописей, некоторые из которых датированы 1919–1920 гг. В 1918 г. некоторые *мударрисы*, в частности известный ученый и публицист 'Али Каяев, бежали из городов, чтобы учительствовать в родных селениях.

РАННЕЕ СОВЕТСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В области исламского образования Дагестанская АССР в первые годы своего существования следовала курсу, взятому большевиками во время Гражданской войны. Выступая 13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, И.В. Сталин, занимавший тогда пост наркома РСФСР по делам национальностей, говорил: «Советская власть знает, что темнота — первый враг народа. Поэтому необходимо создать побольше школ (светских национальных. — В.Б.) и органы управления на местных языках. Этим путем Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины, темноты и невежества, куда их бросила старая Россия». В то же время он заявил: «Говорят, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение, что коммунисты против шариата. От имени правительства [Российской Социалистической Федеративной Советской Республики] объявляю, что эти слухи ложны... Пусть внутри Дагестана судят по шариату. Ничего плохого нет, говорят коммунисты» [Записи выступления т. Сталина..., 1920; Сталин, 1947, с. 394, 397]. Через пару дней, выступая на Съезде народов Терека, Сталин еще раз подчеркнул, что «Советская власть не думает объявить войну шариату» [Сталин, 1947, с. 406].

В конце ноября 1921 г. на I Дагестанской партийной конференции, а затем на областной республиканской конференции шли острые дебаты по поводу отделений церкви от государства и школы от церкви. Многие делегаты считали, что в Дагестане его вводить рано. Они вполне обоснованно опасались повторения в горах антисоветского движения, подобного мятежу Гоцинского. Большинством голосов конференция признала необходимым осуществлять знаменитый декрет Совнаркома РСФСР 1918 г. поэтапно и поручила Совнаркому Дагестанской АССР подготовить его дагестанский вариант [ЦГА РД, Махачкала, ф. р–1, оп. 2, д. 8, л. 67]. 5 декабря 1921 г. Первый Вседагестанский учредительный съезд Советов принял Конституцию ДАССР, в которой этот принцип был закреплен законодательно. Пункт 7 был скопирован со ст. 13 Конституции РСФСР. Он гласил: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от госу-

дарства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [цит. по: *Религии и религиозные организации...*, 2001, с. 60].

На какое-то время между советской властью и мусульманскими общинами (*джама'ат*) Дагестана были установлены весьма сносные отношения. Большая часть '*улама*' и *мударрисов* поддерживали большевиков, которые предоставили мусульманам намного больше свобод, чем им давала Российская империя. На сторону советской власти встали влиятельные суфийские шейхи — упоминавшиеся выше '*Али-Хаджи Акушинский* и *Сайпула-кади Башларов*, а также *халифа* последнего *Хасан Хилми ал-Кахи* (*Кахибский*, убит в 1937) [*Мактубат ал-Кахи...*, 1998, с. 268–270; подробнее об этом см.: *Kemper*, 2002, р. 66, 70; *Абдуллаев*, 2000, с. 161, 164–166]. Все они принадлежали к двум дагестанским ветвям братства *накшбандиййа* — собственно *накшбандиййа-халидиййа* и *накшбандиййа-халидиййа-махмудиййа*. Последняя ветвь, идущая от *Сайпулы-кади*, была связана также с *шазилийским тарикатом*. Благодаря им на сторону большевиков встало множество дагестанских суфиев и их последователей. Против советской власти в первой половине 1920-х гг. выступило лишь несколько шейхов ветви *накшбандиййа-халидиййа*¹, восходящей через '*Абд ар-Рахмана ас-Сугури* (*Согратлинского*, 1792–1882) к *Джамал ад-дину ал-Газигумуки* и *Мухаммеду из Ярага*, и далее — к *Исмаилу Кюрдамирскому* и *мавлана Халиду*. Среди последних, кроме скончавшегося в 1920 г. *Узуна-Хаджи Салтинского*, следует упомянуть *Мухаммеда ал-Балахани* (*Балаханского*, ум. в 1921).

В 1921 г. при поддержке оппозиционных *накшбандийских* шейхов и внука имама *Шамяля Саит-бея Надж ад-Дин Гоцинский* поднял среди аварцев *Нагорного Дагестана* последнее общедагестанское восстание против советской власти. Однако уже через несколько месяцев оно было разгромлено. *Саит-бей* бежал в *Турцию*, а *Гоцинский* еще несколько лет вел партизанскую борьбу в горах *Северного Дагестана* и *Чечни*, пока не был схвачен *ОГПУ* и расстрелян в 1925 г. Немаловажную роль в его нейтрализации сыграла просоветская позиция *Съезда мусульман Дагестана*, проходившего 20 ноября 1923 г. в с. *Кахиб* (*Аварский округ*) под председательством шейха *Хабибуллага Кахибского*. Съезд направил приветственную телеграмму тяжело больному *Ленину* в *Москву*: "...76 шейхов и духовенство *Нагорного Дагестана* приветствуют тебя, вождь огромной армии пролетариата, которая освобождает весь мир от цепей рабства и унижения. Мы верим в победу твоей армии, мы верим, что с помощью твоей армии мусульманство освободится от угнетения... Мы поможем твоей

1 | Такую же политическую позицию занимал шейх *Ибрахим-хаджи* из *Кучраба*, принадлежавший к ветви *накшбандиййа-халидиййа-махмудиййа*.

армии. Избранный съездом председатель шейх Хахибский” [*БагӀараб Дагъыстан*, 27.11.1923, № 262, с. 3].

Большинство мусульманских *алимов* и суфиев сохраняли лояльность к советской власти и во второй половине 1920-х гг., несмотря на начавшееся тогда наступление государства на ислам. Многие из них регулярно выступали в поддержку советских преобразований. Порой парадоксальным образом они участвовали в большевистской антирелигиозной пропаганде. В частности, в августе 1927 г. у пира Шур на Верхне-Табасаранском участке накшбандийский шейх Гаджи-Юсуп (Рамалданов) из Хурика призвал собравшихся на *мавлид* до 300 крестьян активно вступать в кооперативы. В его выступлении несложно обнаружить и агитацию в поддержку советской культурной политики. «При царском правительстве, — говорил Гаджи-Юсуп, — мы не могли учиться и оставались неграмотными и некультурными, а поэтому теперь надо побольше детей посылать в советские школы, надо также *закаты* (из средств которых содержали учеников примечетных школ (подробнее см. ниже. — В.Б.) передать в крестком» [*ЦГА РД*, ф. р–800, оп. 2, д. 9].

В свою очередь, правительство привлекало дагестанских *‘улама’* к школьному и научному строительству в 1920-е гг. [см., например: *ЦГА РД*, ф. 1, оп. 80, д. 6738]. Упоминавшийся выше ученый и преподаватель Абу Сафйан Акаев работал в секции Дагестанского ревкома над переводами классиков марксизма-ленинизма на дагестанские языки. В декабре 1920 г. был издан его перевод «Интернационала» на кумыкский язык [*Литературное и научное наследие...*, 1992, с. 112–113]. Выпускники дореволюционных *мадраса* получали работу в научных и учебных центрах Советского Дагестана. Некоторые из них, например ученик Али Каяева М.Д. Саидов, М. Инквачилав, М. Гайдарбеков, стали первыми востоковедами республики. До революции на Кавказе, в отличие от Поволжья и Средней Азии, не было центров научного исламоведения [*Литературное и научное наследие...*, 1992, с. 112–113; подробнее об этом см.: Крачковский, 1958]. В 1920-е гг. при поддержке востоковедов из Москвы и Петрограда в регионе появились первые НИИ, краеведческие музеи. В Махачкале были созданы Дагестанский краеведческий музей и Институт национальной культуры (1924), силами которых были организованы первые экспедиции по изучению арабских рукописей из частных и мечетных библиотек горного и равнинного Дагестана.

Кроме того, в ранний советский период в республике существовала сеть мусульманских институтов — сельские и окружные шариатские суды, *мактабы* и *мадраса*, *халка* и *вирды* накшбандийских, шазилийских и кадирийских шейхов. Большинство из них действовали *de facto*, часть из них была инкорпорирована в советские государственные учреждения *de jure*. 26 апреля 1920 г. при Отделе юстиции Дагестанского областного ревкома был создан Шариатский подраздел,

преобразованный 16 сентября 1920 г. в Областной шариатский отдел ревкома. 30 июля 1922 г. на его базе был образован Шариатский отдел Наркомюста (НКЮ) ДАССР по контролю за всеми шариатскими судами на территории республики [ЦГА РД, ф. р-182, оп. 1, д. 1, л. 9, д. 8, л. 9; ф. р-37, оп. 20, д. 13, л. 55; ф. р-209, оп. 1, д. 2, л. 11, 64, 64об.]. В благодарность за помощь Красной армии во время Гражданской войны постановлением ЦИК и СНК ДАССР главой шариатского судебного аппарата республики был назначен 'Али-Хаджжи ал-'Акуши. Первое время он был председателем Шариатского отдела НКЮ и обладал статусом заместителя народного комиссара юстиции, затем выполнял обязанности председателя одного из окружных шарсудов в его родном селении Акуша [ЦГА РД, ф. р-33, оп. 2, д. 9, л. 2]. Учитывая влияние ислама, 9 июля 1924 г. президиум Дагестанского обкома ВКП(б) официально ввел в ДАССР (кроме Кизлярского района с его немусульманским населением) празднование *Курбан-байрама* и *Уразы-байрама* [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 5, д. 24, л. 12].

Из сравнения дореволюционной и советской статистики видно, что после разрухи и бедствий Гражданской войны численность мусульманских школ сократилась более чем в три раза, а число обучавшихся в них — чуть менее чем в полтора раза. Согласно последним дореволюционным данным, в 1913 г. в Дагестанской области (примерно 60 % территории Дагестанской АССР между реками Самур и Сулак) было 766 примечательных школ, в которых училось 6727 человек (6014 мальчиков и юношей, 713 девочек). По 9 округам области они распределялись следующим образом: 66 школ (381 ученик) в Аварском, 98 (687 учеников) — в Андийском, 213 (951 ученик) — в Гунибском, 47 (203 ученика) — в Даргинском, 44 (238 учеников) — в Казикумухском, 117 (1440 учеников) — в Кайтаго-Табасаранском, 52 (819 учеников) — в Кюринском, 35 (503 ученика) — в Самурском и 83 (1220 учеников) — в Темир-Хан-Шуринском округе. Из городов 10 школ с 270 учениками было в Дербенте, и по одной в Петровске (10 учеников) и Темир-Хан-Шуре (35 учеников). 1 февраля 1925 г. в ДАССР было зарегистрировано 175 *мадраса* и *мактабов* с 4795 учащимися. Из них 67 школ с 1673 учащимися было отмечено в Даргинском, 30 (900 учащихся) — в Аварском, 29 (577 учащихся) — в Буйнакском округах, 21 (902 учащихся) — в Махачкалинском районе, 20 (500 учащихся) — в Андийском округе, 4 школы (170 учеников) — в Гунибском, по 2 школы (50 и 23 учеников) — в Лакском и Самурском округах. В Ачикулакском, Гудермесском, Кизлярском и Хасавюртовском районах по Тереку, присоединенных к ДАССР в 1921 г., а также в Дербентском районе и Кюринском округе Южного Дагестана примечательных школ не было [Обзор Дагестанской области..., 1915, ведомости 12, 19; Магидов, 1971, с. 39–40]².

2 | Эти статистические данные сведены в работе: [Какагасанов, 2001, с. 132–137]

Приведенная статистика требует осторожного обращения и обстоятельного комментария. Во-первых, она очень неточна. Примечательные школы не разделены на *мактабы* и *мадраса*, из них не выделены подготовительные коранические классы для детей. У властей не было критериев для такого анализа. Кроме того, официальные данные 1925 г. дают в целом заниженную оценку. По некоторым округам цифры обобщались до десятков и сотен. У властей не было сведений о Кайтаго-Табасаранском округе, первом по числу *мута‘аллимов* и втором по числу школ в 1913 г. Есть противоположные, слишком завышенные данные 1924–1925 гг. По данным первого секретаря Дагестанского обкома ВКП (б) Н. Самурского, примечательных школ было от 1500 до 2000. В них училось 40–45 тыс. учеников, т. е. около 5 % жителей республики [Самурский (Эфендиев), 1925, с. 132; см. также с. 58, 114, 129]³. РКИ республики определяла численность учащихся примечательных школ в 1922–1923 гг. в 50 000, а к 1925 г. в 11631 человек [ЦГА РД, ф. п–1, оп. 4, д. 5, л. 20–26; *Резолюции первого совещания...*, 1925. В-третьих, в силу частного нерегулярного финансирования число школ быстро росло при экономическом подъеме и сокращалось во время кризисов. Например, с 1896 по 1897 г. оно выросло с 846 до 862, к 1903 г. — упало до 636, в 1908 опять выросло до 747⁴.

В описываемый период и позднее в Советском Дагестане, как и до революции, выделялись 4 ступени исламского образования. Четкой границы между ними не было. *Мактабы* порой называли «медресе». Весь процесс обучения занимал 15–20 лет, как и в дореволюционное время. Занятия обычно прерывались на период весенне-летних сельских работ. Практически во всех селениях и городах республики действовали не фигурировавшие в статистике домашние коранические классы для детей и подростков. Учителями были мужчины, реже женщины — жены и дочери имамов, получившие домашнее образование. Мальчики и девочки обучались совместно правилам чтения Корана (*таджвид*). Они должны были прочесть все 30 частей-*джуз’ов*, начиная с последних и кончая сурой «Корова» (Коран: 2) Здесь же учили начаткам арабского письма. Плата вносилась родителями учителю продуктами, одеждой, реже — деньгами, по мере прохождения учебного материала: когда чтение доходило до суры *Ихлас* (в Дагестане ее называли *Кул-ху*), затем до *Йа Син* и т. д. В конце курса учителю подносили денежный подарок, в размерах 2,5 дореволюционных серебряных рублей (*куруш*). Время обучения колебалось от нескольких месяцев («зимний семестр») до 2–3 лет в зависимости от способностей ученика и учителя [Омаров, 1868, с. 14–18].

3 | Похожие цифры приводит в своей небезынской книге про Дагестан А. Скачко, соратник Самурского из Народного комиссариата РСФСР по делам национальностей, долго работавший представителем Дагестана в Президиуме ВЦИК [Скачко, 1931, с. 56, 88–89].

4 | Подсчитано по таблицам ежегодных дореволюционных обзоров Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1897–1909.

Окончившие коранические классы поступали на высшую ступень начальной школы (*мактаб*). *Мактабы* давали основную массу учтенных статистикой школ. Преподавали тут имамы (*мулла, дибир*), обучавшие отдельно мальчиков и девочек 7–13 лет. Девочки и девушки составляли от 1,5 до 30 % учащихся. Особенно много девочек училось в 9 *мактабах* Акуша [Скачко, 1931, с. 94]. В Аварском, Даргинском, Лакском округах исламское образование девочек не встречалось. «Класс» включал 10–30 человек, которые садились кругом в доме учителя и хором повторяли за ним урок. Занятия велись на родном языке. Они начинались после утренней молитвы на заре и продолжались по 7 часов. Учебники были на арабском и тюркском (*тюрки*) языках. Основным учебным пособием служил Коран, обычно его рукописная копия, поэтому учеников *мактаба* называли «детьми по Корану». В идеале выпускники умели читать и писать по-арабски, знали основные молитвы, некоторые (*хафизы*) — Коран наизусть. Преподавание продолжалось от 1 до 5–6 лет. Плата была низкой: в год учитель получал от родителей учеников по 3–5 *саб* зерна или деньгами (до 5 дореволюционных серебряных рублей). Ученики получали часть *заката* (зерном) [*Адаты и обычаи даргинцев.*, 1951; ср.: Омаров, 1868, с. 15, 20].

Существовало также несколько *мактабов* и средних школ (*мадраса*), в которых с начала XX в. была принята система образования, использовавшая некоторые новые методы обучения (*усул джадида*), появившиеся в Поволжье, Бахчисарае (в мадраса Гаспринского), Турции и Египте. Еще в 1908 г. в Темир-Хан-Шуринском округе действовало 8 новометодных школ, в которых училось 586 человек (в том числе 116 девочек). В них работало 16 учителей [Каймаразов, 1989, с. 136]. Первым пропагандистом реформы исламского образования в Дагестане был знаменитый ученый и преподаватель родом из с. Нижнее Казанище Абу Суфьян Акаев. Согласно его «Автобиографии», до революции он успел дать начальное и среднее образование по новому методу примерно 100 детям из Дагестана [*Литературное и научное наследие...*, 1992, с. 128]. В с. Кумух Лакского округа в 1918–1928 гг. работала новометодная школа 'Али Каяева.

Из новометодных *мударрисов* стоит отметить Б. Алибекова и Ш. Абдуллаева. В их школах преподавание велось на родном языке по звуковому методу и поурочно. Популярностью пользовались дореволюционные учебники А. Акаева для *мактабов* и *мадраса* первой ступени, в первую очередь его кумыкская азбука *Иршад ас-сибйан* («Наставление мальчикам», Темир-Хан-Шура, 1909), Краткое изложение *имана* ('*Аджам мухтасар*), География (*Жаграпийа*, Симферополь, 1903, Темир-Хан-Шура, 1908) и Арифметика ('*Илм ал-хисаб*, Темир-Хан-Шура, 1905) на *тюрки*. В раннее советское время бывшие новометодные школы часто сливались с редкими еще светскими народными школами, организованными государством. Различить их было сложно.

И в реформированных примечетных, и в советских школах преподавание велось похожими методами. Программа светских наук включала 7 одних и тех же основных предметов: арифметику, географию, геометрию, астрономию, начатки знаний по медицине, историю, философию [Байан ал-хака'ик, 1925, № 2, с. 6]. Учителя советских школ, как правило, имели только местное мусульманское образование. До 1924 г. в советских школах республики было официально разрешено учить Коран [Религии и религиозные организации в Дагестане, 2001, с. 65].

Наконец, были еще *мадраса* двух уровней, которые соотносились примерно как колледжи и вузы. Учеников называли *мута'аллимами*, а выпускников — *'алимами*. *Мута'аллимы* странствовали от одного учебного к другому. Сами учителя имели такое же местное образование. К известным *мударрисам* стекались ученики со всего Дагестана, из Чечни, Ингушетии и Азербайджана. Наиболее известные в 1920-е гг. центры исламского образования находились в горных и предгорных селениях Акуша, Алкадар, Аргвани, Ашты, Балахани, Гоцатль, Гуниб, Доргели, Карабудахкент, Касумкент, Кахиб, Кубачи, Кумух, Мехельта, Нижнее Казанище, Нижний Дженгутай, Обода, Согратль, Тлох, Уриб, Уркарах, Усиша, Хунзах, Хурик, Чарода, Шиназ, Штул и других, в городах Темир-Хан-Шура, Дербент. В отличие от *мактабов*, это были своего рода «школы-интернаты». Жили *мута'аллимы* в мечетях (реже у своих *кунаков*) за счет доли *заката* и *вакфов*. Благодаря *вакфам* при мечетях и в домах *мударрисов* были крупные исламские библиотеки (до нескольких тысяч книг). За счет *вакфов* и на пожертвования по завещаниям (*назр*, *васийа*) жили *мударрисы* [Скачко, 1931, с. 96; *Китаб тазкират ас-сайид...*, 1997, л. 996–1036]. К этой категории собственности относилось более 13 700 десятин угодий. Передача *вакфов* в ведение кресткомов постановлением ЦИК ДАССР от 23 июня 1924 г. [Османов, 1976, с. 75] общего положения не изменила. Реально этими имуществами продолжали распоряжаться мечетные общины. Только в 1926–1927 гг. доходы *джама'атов* от *вакфов* и *заката* составили 1,5 млн руб. [Революция и горец, 1929, № 7–8, с. 36].

Мадраса было немного — всего несколько десятков на всю республику. В каждой училось от 3–5 до 30 и более человек. Количество учеников зависело от богатства общины. Так, в Акушах, согласно данным РКИ Дагестана, в середине 1920-х гг. было две крупные школы под покровительством шейха 'Али-Хаджжи Акушинского — *мактаб* при мечети Мамма-меджит и *мадраса* при пятничной мечети селения (Хала-меджит) [Шихсаидов, 2001, с. 56, 58]. В главной школе училось 22 человека. Два учителя получали по 15 руб. из *заката джама'ата*. В Кумухе целая квартальная мечеть (Кат) была отдана под общежитие и школу *мута'аллимам* [Скачко, 1931, с. 94, 96]. Обычно *мударрис* обучал только старших студентов, достигших возраста 25–30 лет, а те уже, в свою очередь, обучали младших. Выпускники *мадраса* либо сами ста-

новились учителями-мударрисами, либо устраивались работать имамами и кади (мулла, дибир) при мечетных общинах, а до 1927 г. могли также получить работу в существовавших на территории ДАССР шариатских судах. Сохранение до 1928 г. арабской графики в официальном советском делопроизводстве помогало им найти работу в советских учреждениях. При этом из-за острого дефицита светских учителей многих из них принимали на работу в общеобразовательные, в основном сельские, школы.

Такая система образования существовала у мусульман-суннитов, составлявших подавляющее большинство населения республики (более 95 % по переписи 1926). Кроме них, в отдельных населенных пунктах Дагестанской АССР — городах Дербенте, Буйнакске, Кизляре, Хасавюрте, селении Мискинджа и др. существовали шиитские мечетные общины (*джама'аты*). Шиитам принадлежала древнейшая в республике Дербентская джума-мечеть. В советской статистике шиитские *джама'аты* и *мадраса* не отделялись от суннитских. Этнически шиитами были иранские мигранты, в основном азербайджанцы, а также небольшая часть лезгин Южного Дагестана. В области иерархии и методики исламского образования существенных различий между суннитами и шиитами Дагестана, похоже, не существовало. У последних основным языком образования на средней и высшей ступенях вместо арабского был персидский (а порой и азербайджанский) язык. Шиитский «канон» включал в себя учебные пособия, принятые в Азербайджане и Иране того времени⁵.

Методика обучения в большинстве школ разных уровней отличалась мало. В основе лежала семинарская система преподавания. Изучаемое произведение читалось в слух, а мударрис вместе со слушателями разбирал и комментировал его. Между *мута'аллимами* проходили ученые диспуты. Обучение велось на арабском (реже тюркских и персидском языках). Программа *мадраса* включала в себя как традиционный круг исламских наук, так и отдельные светские предметы. Состав первых не изменился с XIX в. По словам известного дореволюционного ученого 'Абд ар-Рахмана ал-Газигумуки, сюда входило 12 предметов: «морфология (*ас-сарф*) и синтаксис (*ан-нахв*), метрика [стихосложения] (*ал-'аруд*), логика (*ал-мантик*), теория диспута (*ал-муназара*), мусульманское право (*ал-фикх*), экзегетика [Корана] (*ат-тафсир*), жизнеописание Пророка (*ас-сира*), суфизм (*ат-тасаввуф*), риторика (*'илм ал-ма'ан*), стилистика (*ал-байан*) и поэтика (*ал-бади'*), из которых три последние считаются за одну науку, а также методика чтения лекций (*ал-мухадара*) и исчисления единиц (*ал-хуласа*)» [*Китаб тазкират ас-саййид...*, 1997, л. 90а–90б]. Основными предметами, которые изучались в дагестанских *мадраса*, были арабская грамматика;

5 | Полевой материал лета и осени 2003 г. Тема шиитского образования на Северном Кавказе еще требует основательного исследования. Его еще никто серьезно не занимался.

фикх шафиитского толка; Коран, *тафсир* и *таджвид*; логика и философия; хадисоведение. К ним относятся большинство фондов мечетных библиотек. В РФ ИИАЭ эти науки представлены соответственно 684; 446; 195 и 135 рукописями [Тагирова, 2001, с. 139–140]. Из светских гуманитарных, точных и естественных наук здесь были представлены родная история, алгебра, геометрия, география, астрономии, физика и химия [Бобровников, 1999, с. 45–46].

На первой ступени *мадраса мута‘аллимы* завершали изучение морфологии и синтаксиса арабского языка. По традиции наиболее популярными учебниками в Дагестане 1920-х гг. оставались *Тасриф ал-‘Иззи аз-Занджани*, комментарий на него Са‘д ад-дина Мас‘уда б. ‘Умара ат-Тафтазани, *Ми‘ат ‘амил* ‘Абд ал-Кахира ал-Джурджани, *ал-Мукаддима ал-Аджуррумиййа* Мухаммада б. Дауд ас-Санхаджи б. Аджуррум, *ал-Унмузадж фи-н-нахв* Махмуда б. Умара аз-Замахшари, комментарии и супракомментарии на эту книгу — работы Мухаммада ал-Ардабили, *Изхар ал-асрар* ал-Биркави, *Марах ал-Арвах* Ахмада б. Али б. Мас‘уд, комментарий на него Ахмада ад-Динкузи, а также *ал-Кафийа фи-н-нахв* и *аш-Шафийа фи-с-Сарф* Джамал ад-дина ал-Хаджиба и сочинения дагестанских дореволюционных *мударрисов* [Kemper, 1998, S. 215, 217]. В тюркоязычных районах на равнине и в предгорьях изучалась литература на *тюрки*, а в Табасаранском, Кюринском, Самурском округах также персидский язык и литература.

После этого уровня *мута‘аллимы* переходили в специализированные *мадраса-университеты*. Здесь изучали сначала логику и философию. Эту ступень обучения по общей исламской традиции называли *ма‘кулат* (рациональные дисциплины). Классическим «учебником» по логике служили комментарии и супракомментарии на *Китаб ал-Исагуджи* ‘Умара ал-Абхари, а также комментарии на *ар-Рисалат аш-шамсиййа* Хусамаддина ал-Кати. Сами комментируемые тексты в дагестанских *мадраса* изучались сравнительно редко [Тагирова, 2001, с. 179]. Наконец, на высшей ступени образования изучали *манкулат* (переданные [по исламской традиции] дисциплины) — т. е. исламское право и догматику (*фикх* и *калам*). Последнюю чаще всего учили по трактату средневекового ханафитского правоведа Наджм ад-дина ‘Умара ан-Насафи *ал-‘Ака’ид* и его многочисленным комментариям и супракомментариям. Кроме того, догматику изучили по классическим сочинениям теологов-суфиев ал-Газали, ад-Даввани, аш-Ша‘рани, ас-Сухраварди [Тагирова, 2001, с. 184]. В области мусульманского права в Дагестане (за исключением присоединенных в 1921 г. земель караногайцев) господствовали произведения шафиитского *мазхаба*. В сохранившихся мечетных библиотеках, восходящих к 1920-м гг., чаще всего встречаются сочинения Мухйиддина б. Закарийа ан-Навави, обычно *Минхадж ат-талибин*, и его не менее знаменитых комментаторов Джалал ад-дина ал-Махалли и Ибн Хаджара ал-Хайтами, а также супраком-

ментарии ал-'Ибади и ал-Калйуби. Не менее популярными «учебниками» по праву считались *ал-Анвар*, принадлежащий перу Мухаммада ал-Ардабили, *Джам' ал-Джавами'* Тадж ад-Дина ас-Субки и *Шарх ал-Иджаз* на сочинение Махмуда б. Мухаммада ал-Кирмани ал-Кахбани [Тагирова, 2001, с. 157].

Следует отдельно остановиться на сложном и до настоящего времени не изученном вопросе об обучении дагестанских суфиев. Особенностью дагестанского суфизма XIX в. было отсутствие у него специальных, отличных от *мадраса* и *мактабов*, учебных заведений, например подобных *рибатам*, в которых проходил процесс суфийского образования. Эта же черта сохранялась и в советское время. Конечно, ученики в процессе обучения в *мадраса* знакомились с работами таких суфиев классического периода, как ал-Газали, ал-Кушайри и других авторов. Однако этим сочинениям не уделялось столько внимания, сколько традиционным и не связанным с суфизмом исламским дисциплинам — грамматике, логике, *тафсиру*, *хадисам*, *фикху*. Изучение работ мусульманских мистиков шло в контексте общей исламской этики (*ал-адаб*, *ас-сулук*). Шейхи *тарикатов*, обучавшие *муридов*, не всегда являлись преподавателями *мактабов* и *мадраса*. При этом число их последователей доходило до нескольких сотен, например, у 'Али-Хаджжи Акушинского было от 500 до 700 *муридов* [Скачко, 1931, с. 89, примеч. 1]. В процессе суфийского обучения практический опыт преобладал над теоретическими знаниями обучаемого.

Удовлетворение спроса дагестанской мусульманской школы на учебники достигалось благодаря переписке рукописей, которая не прекращалась в Дагестане до конца 70–80-х гг. XX в. Кроме того, в республике продолжало циркулировать немало печатных и литографированных книг и учебников, изданных прежде всего в знаменитой «исламской типографии» М. Мавраева Чохского (ум. в 1967) в Темир-Хан-Шуре в 1903–1918 гг., а также проданных в его книжных магазинах стамбульских, египетских, казанских и бахчисарайских изданий на арабском, тюркских и нахско-дагестанских (в 'аджаме) языках [*Фихрист ал-кутуб...*, 1914; *Туби'а би-л-матба'*..., 1914]. Среди них были оригинальные сочинения практикующих дагестанских *кади* и *мударрисов*, в частности *Фатава ал-Чухи* Мухаммеда 'Али из Чоха (Темир-Хан-Шура, 1902); *Фатава ал-Карахи* (Бахчисарай и Темир-Хан-Шура, 1904), принадлежащие перу секретаря Шамиля, а позднее *кади* Дагестанского народного суда Мухаммеда Тахира из Караха (ум. 1882); труды Муртада 'Али (ум. 1865) и Муслима (ум. в начале XX) Урадинских, *Джираб ал-мамнун* (Темир-Хан-Шура, 1912) Хасана ал-Алкадари (1834–1910), ставший, по словам М.Д. Саидова, «настойной книгой многих дагестанских *кади*» [*Историко-литературное наследие...*, 1988, с. 45]. Полный комплект журнала хранится в фондах РФ ИИАЭ.

Вместо исчезнувших типографий и издательств возникли новые, хотя и не настолько крупные. В Темир-Хан-Шуре (Буйнакске) в начале 1920-х гг. выходила на арабском языке газета *Фукара' ал-джибал* («Беднота гор»). В ней не раз дискутировались и вопросы народного образования, в том числе мусульманской школы. В 1925–1928 гг. в том же городе издавался по-арабски журнал Абу Суфйина Акаева *Байан ал-хака'ик*. Он был задуман как орган дагестанских 'алимов и мударрисов. Всего было впущено 12 номеров [*Литературное и научное наследие...*, 1988, с. 112, 114]. На его страницах живо обсуждались вопросы реформирования программ исламского образования, связи религиозного и светского образования, новых методов преподавания и национальной школы, обучения девушек и женщин.

По сравнению с широкой сетью мусульманских школ и суфийских кружков успехи советского народного образования были слабее. В 1922/23 учебном году в 493 школах республики училось 26 202 человека. Между тем в республике было 90 000 детей школьного возраста. К 1927/28 учебному году число общеобразовательных школ даже сократилась до 420 (из них 378 в сельской местности) [ЦГА РД, ф. п–1, оп. 4, д. 5, л. 26]. Мусульмане, особенно горцы, не хотели отдавать детей в советскую школу, предпочитая ей примечетную. Поэтому, например, в Андийском округе на 1 октября 1925 г. советских школ было всего 4, а мусульманских (в основном *мактабов*) — 47. Остро стоял вопрос о языке обучения и письменности. Попытка реформы 'аджама (1920), а затем перехода школы и государственных учреждений на турецкий язык в 1923 г. провалились. В 1928 г. от проекта тюркизации отказались. К концу 1920-х гг. исламское образование оказалось более разветвленным и жизнеспособным.

Вместе с тем позиции правительства в республике и в целом на Северном Кавказе существенно укрепились, и власти уже не боялись оказывать прямое давление на ислам. Одним из первых шагов в этой области была утвержденная Дагестанским обкомом 26 октября 1926 г. инструкция Наркомпроса ДАССР «О регулировании преподавания мусульманского вероучения», согласно которой изучение Корана, арабского языка и исламских наук разрешалось только в примечетных школах, зарегистрированных органами советской власти в округах. Запрещалось отдавать в них детей младше 12 лет [Салахбекова, 2002, с. 34]. Еще ранее подобная инструкция была принята Наркомпросом СССР (21 августа 1925) [Инструкция № 446/72/цс НКВД...]. К тому же в Дагестане была развернута атеистическая пропаганда, уже не считавшаяся с чувствами верующих, как прежде. 23 октября 1927 г. в Махачкале была создана Центральная ячейка безбожников, на первом Вседагестанском съезде безбожников в мае 1929 г. преобразованная в Дагестанское отделение Союза воинствующих безбожников (далее: СВБ). Съезд разработал целую программу мер на подрыв влияния ис-

лама и мусульманской школы в республике. С января 1928 г. по январь 1930 г. число членов СБВ в Дагестане выросло с 57 до 24 000. Союз имел 617 ячеек в 24 районах республики [ЦГА РД, ф. р-238, оп. 3, д. 46, л. 22]. В него были привлечены преподаватели школ и врачи.

***

В конце 1920-х гг. в Дагестане был взят курс на искоренение любого легального исламского образования. Этот новый период в истории исламского образования при советской власти начался накануне осуществления общесоюзных программ культурной революции, коллективизации и индустриализации. Принимаясь за форсированное социалистическое переустройство мусульманского общества, большевики осознанно пытались лишить его независимой духовной элиты. К тому же следует учитывать и общую установку официальной советской идеологии на изживание религии и религиозных институтов, которые, по мнению властей, лишь мешали государственному строительству и движению советского народа по пути к коммунизму. С начала 1930-х гг. отношения между государством и мусульманской школой развивались в русле массовых политических репрессий в СССР. В результате усиленной кампании к началу Великой Отечественной войны в Дагестане, согласно официальным источникам, не осталось ни одной официально зарегистрированной и действующей мечети или мусульманского учебного заведения [ЦГА РД, ф. р-352, оп. 5, д. 17, ф. р-800, оп. 2, д. 35, л. 84]. С 1941 по 1990 г. в республике не было одного легально существовавшего *мактаба* или *мадраса*.

Список источников и литературы

- Адаты и обычаи даргинцев, записанные А. Алиевым со слов жителей сел. Усиша, Урахи, Цудахар (1951) // *РФ ИИАЭ*. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35. Л. 29–30.
- БагIараб Дагъистан*. 27.11.1923. № 262.
- Байан ал-хака'ик*. 1925. № 2.
- Бобровников В.О. Каяев Али // *Ислам на территории бывшей Российской империи*. Вып. 2 / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1999.
- Дибиров М.К. *История Дагестана в годы революции и Гражданской войны*. Махачкала, 1997.
- Законодательное предположение об учреждении особого духовного управления (муфтиата) для мусульман Северного Кавказа // *Мир ислама*. 1913. Т. 2. Вып. 12.
- Законодательство о религиозных культах*. М., 1969.
- Записи выступления т. Сталина на Съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г. // *РФ ИИАЭ*. Ф. 6 (фотокопии). Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
- Инструкция № 446/72/цс НКВД и Народного Комиссариата просвещения СССР // *Государственный архив Российской Федерации* (далее: *ГАРФ*, М.). Ф. р–1235 сч. Оп. 140. №1. Л. 15.
- Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика* / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
- Историко-литературное наследие Гасана Алкадари* / Сост. А.Р. Шихсаидов. Махачкала, 1988.
- Каймаразов Г.Ш. *Просвещение в дореволюционном Дагестане*. Махачкала, 1989.
- Какагасанов Г.И. Религиозные мусульманские (примечательные) школы Дагестана // *Ислам и исламская культура в Дагестане* / Сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов. М., 2001.
- Китаб тазкират ас-сайид 'Абд ар-Рахман б. устаз шайх ат-тарики Джамал ад-дин ал-Хусайни фи байан ахвал ахали Дагистан ва Чачан аллафа-ху ва катаба-ху фи Туп-лис фи санат 1285/1869*. Махачкала, 1997.
- Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. *Избранные сочинения*. Т. V. М., 1958.
- Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева* / Сост. Г.М.-Р. Оразев. Махачкала, 1992.
- Магидов М.Г. *Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции*. Махачкала, 1971.
- Мактубат ал-Кахи ал-мусамма васа'ил ал-мурид фи раса'ил ал-устаз ал-фарид*. Дамаск, 1998.
- Мусават*. 31.08.1917. № 21.

- Обзор Дагестанской области за 1913 год.* Темир-Хан-Шура, 1915. Ведомости 12, 19.
- Омаров А. Воспоминания муталима // *Сборник сведений о кавказских горах*. Вып. I. Тифлис, 1868.
- Османов А.И. Переход к НЭПу в Дагестане и некоторые его особенности // *Вопросы истории социалистического строительства в Дагестане*. Вып. 2. Махачкала, 1976.
- Революция и горец*. 1929, № 7–8.
- Резолюции первого совещания и материалы по агитработе*. Махачкала, 1925.
- Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник* / Сост. К.М. Ханбабаев. Махачкала, 2001.
- Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН (РФ ИИАЭ, Махачкала)*.
- Салахбекова З.А. Атеистическая и религиозная пропаганда и агитация в Дагестане в довоенные годы // *Наука и молодежь*. Махачкала, 2002.
- Самурский (Эфендиев) Н. *Дагестан*. М.-Л., 1925.
- Скачко Ан. *Дагестан*. М., 1931.
- Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.)*, *Горская республика (1918–1920 гг.)*: *Документы и материалы* / Сост. Г.И. Какагасанов и др. Махачкала, 1994.
- Сталин И.В. *Сочинения*. М., 1947.
- Тагирова Н.А. Тематическая характеристика арабской рукописной книги в Дагестане // Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. *Арабская рукописная книга в Дагестане*. Махачкала, 2001.
- Туби'а би-л-матба' ал-исламиийа ли-Мухаммад Мирза Маврайуф фи балдат Темир-Хан-Шура*. Темир-Хан-Шура, 1914.
- Усманова Д. *Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917)*. Казань, 1999.
- Фихрист ал-кутуб ал-ка'ина фи дар ал-кутуб ли-Мухаммад Мирза Маврайуф фи балдат Темир-Хан-Шура мин вилайат Дагистан*. Темир-Хан-Шура, 1914.
- Хазиhi куфийа ва нусхат ас-сиджил ал-варида мин ал-идара аш-шар'ийа ал-джумхурийа [ал-кавказийа] аш-шималийа // *РФ ИИАЭ*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2205. Л. 5–4.
- Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД)*.
- Центр хранения партийной документации, в составе Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД, Махачкала)*.
- Шихсаидов А.Р. Дагестанцы — переписчики арабских рукописей // Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. *Арабская рукописная книга в Дагестане*. Махачкала, 2001.
- Bennigsen A., Wimbush S.E. *Mystics and Commissars: Sufism in the USSR*. L., 1985.
- Kemper M. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Bashkirien, 1789–1889*. Berlin, 1998.
- Kemper M. *Khalidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihad* // *Die Welt des Islams*. 2002. Vol. 42. № 1.